

ПИШИ-ЧИТАЙ!

Третий том «Библиотеки дураков» вышел без первых двух

ВЯЧЕСЛАВ ПОЛУНИН ПРЕДСТАВИЛ В ПЕТЕРБУРГЕ КНИГУ «АЛХИМИЯ СНЕЖНОСТИ»

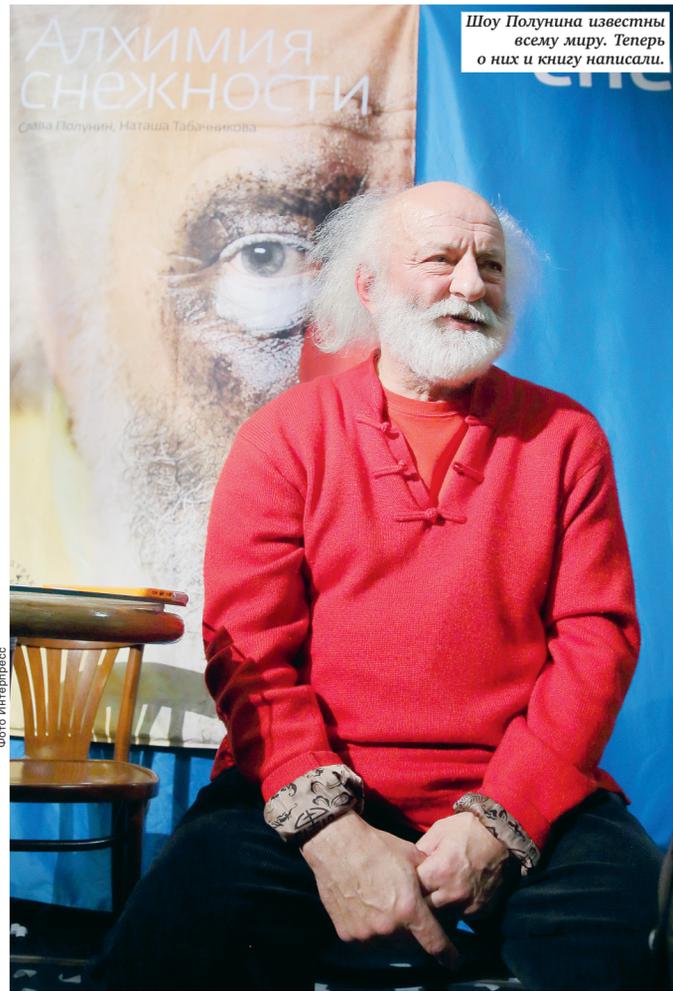
«Алхимия Снежности», книга из «Библиотеки дураков», написана для двух категорий читателей — тех, кто видел «Снежное шоу», уже признанное театральной классикой ушедшего века, но до сих пор собирающее полные залы мировых театров, и тех, кто его не видел. Еще есть такие люди. Но это им не помешает погрузиться в «Алхимию», подписанную двумя именами — Слава Полунина и Наташа Табачникова. Кстати, никто не найдет другие тома серии «Библиотеки дураков», потому что нет пока этих томов. Зато, как говорит Наталья Табачникова, «мы все хотим и не можем издать буклетки «Наши проекты» — что сделано, что не сделано».

«АЛХИМИЯ СНЕЖНОСТИ» — это и про то, как появился Асиясй, и про всех, кто в этом спектакле вместе с ним, и про то, как вместе с Гидоном Кремером рождалась «Снежная симфония», и про страны, и про детство, и про взросление, про тайны джаза и менеджмента, про нереализованные мечты и проекты. Эту книгу можно читать и перечитывать с любого места, погружаясь в слова и образы, разглядывая волшебные рисунки — миры немецкого художника Квинта Бухгольца.

«Я стал замедлять ритмы, ценить незначительный жест, выразительность которого теперь казалась мне куда значительнее, чем выразительность жеста значительного или помпезного. Я стал любить движение незаконченное, оборванное, с заморанием, как бы остановленное мыслью... Нежный и трогательный Асиясй повзрослел вместе со мной, он стал задумчив и нерешителен. И его телефонный разговор с самим собой, кажется, потерял нотки озорства, но обрел финальную паузу, в которой я с каждым днем все больше и больше люблю жить», — рассказывал на представлении книги в Библиотеке им. Маяковского Полунина.

Многие помнят давний «Голубой огонек», где появился этот трогательный персонаж с двумя телефонами и повел свой диалог о любви, появился, чтобы потом, через годы, через «Лицедеев», оказаться в «Снежном шоу», которое объехало уже сорок стран, а в некоторых побывало по двадцать раз.

Слава в свое время прочитал собрание сочинений Станиславского и не согласился с мэтром в том, что «лицедеи — плохое сло-

во: «Я вернул это слово, потому что считаю: не только гражданин и философ может выйти на сцену. Щенячья радость человека, упоенного жизнью, была Станиславским отвергнута, а мы именно ее выставили на первый план».

Юрий Никулин, Ролан Быков, Леонид Енгибаров, Чарли Чаплин, великий и трагический актер Михаил Чехов — вот лишь не-

которые из «85 любимых клоунов», родственных Полунину, которые тоже никогда бы не согласились с тем, что лицедейство — это плохо.

«Клоуны могут стать трагическими артистами, как умудрился Михаил Чехов, но не наоборот», — размышляет Полунина.

Галина АРТЕМЕНКО

КУЛЬТ.УРА!

«Мосфильм» стал виртуальным

«GOOGLE» в рамках своего проекта «Академия культуры» оцифровал съемочные павильоны и территории «Мосфильма».

Теперь по «Мосфильму» можно совершить виртуальную экскурсию и узнать, как снимались «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Калина красная» и другие знаменитые фильмы советского кинематографа.

На сайте проекта можно рассмотреть не только студии, но и раритетные автомобили, принимавшие участие в фильмах, — например, «Волгу» из «Берегись автомобиля» или трофейный «роллс-ройс» из «Неуловимых мстителей». Путешествие можно начать с главных ворот студии, на фоне которого Шурик в «Кавказской пленнице» произ-

носит крылатую фразу: «Помедленнее, я записываю!» Здесь же можно прогуляться по «Старой Москве» — огромной декорации, построенной для фильма Карена Шахназарова «Всадник по имени Смерть» и использованной при съемке «Белого тигра» и «Анны Карениной».

Виртуальная выставка также подробно рассказывает об истории киностудии: от кинофабрик Госкино, образованных в 1919 году, и знаменитого дома Александра Ханжонкова на Житной улице — до современных дней «Мосфильма».

Алексей ШМЕЛЕВ

Моряк Краско (выпускник Балтийского высшего военно-морского училища), офицер-артиллерист, вразвалочку сошел на берег и с ходу поступил в театральный. Оттуда отправился к Георгию Александровичу Товстоногову, в БДТ. Но родным домом для народного артиста России стал Театр имени Комиссаржевской, где он служит почти полвека. Новый виток интереса к Ивану Ивановичу возник после того, как кометой взлетел, а в 2006-м «сгорел» его сын Андрей Краско, прекрасный актер, не избавившийся от неистребимой тяги к рюмочке. К этому времени Иван Иванович опять женился и дважды стал отцом. Его мальчишкам нынче 12 и 10 лет, а 84-летний папаша, по сути,

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

остался без угла. Уступил квартиру своей жене, полюбившей другого, а сам перебрался к... теще. И мы с ним шутим: «Иван Иванович, правда, что вы живете с тещей?» — «Нет, Миша, — у тещи!»

Предложение поговорить о Питере мой старший товарищ (вот бы мне такого отца!) принял с огромным интересом.

Иван КРАСКО:

Раньше Исаакий подавлял меня, а теперь — возвышает...

— Иван Иванович, когда, при каких обстоятельствах вы осознали, в каком уникальном городе живете?

— Поразительное дело, но осознал я это за границей, в Австрии. Тогда позволил себе восторгаться Веней, а сопровождал меня студент-русист — курд. Он учился на пятом курсе Венского университета, занимался русским языком, литературой. И вот я выразил свое восхищение Веней: это же музей под открытым небом, многие памятники похожи на наши, только появились чуть раньше... Мария Терезия, например, а у нас — Екатерина Великая... Кайзеры, мол, у вас на лошадях, и у нас тоже есть — цари называются.

И вдруг курд сказал мне: «Иван, тебе не стыдно? Ты же из Петербурга!» Я искренне удивился: «А что случилось? Почему ты считаешь, что Петербург лучше, красивее?» Он ответил: «Приходилось ли тебе когда-нибудь провести взглядом от Медного всадника слева направо?»

И когда я вернулся в родной город, то пошел к Петру Алексеевичу — посмотрел и обмелел. Действительно, такого места в мире нигде нет. Господи боже мой — Университет, Академия наук, Кунсткамера... Провел взгляд через Дворцовый мост, остановился на Петропавловской крепости. И понял: курд прав.

С тех пор при первой же возможности я прихожу на это место. Но я стал обращать внимание и на другие места. Я, например, поражен: каким образом сумел Савва Чевакинский поставить храм Николая Морского (Никольский Морской собор, Морской собор Святителя Николая Чудотворца и Богоявления), что прекрасен при любой погоде.

Или иду от Театральной площади и заступаю. Посмотрю с другой стороны, с Крюкова канала: просто блистательно. Таких мест в Питере уйма. Жаль, мы их не всегда замечаем, привыкли, потому что живем в этом городе. Суемится, спешим по делам, на работу... Но иногда глянешь по сторонам — и дух захватит. Вот сейчас зима, покрытые инеем деревья, шпиль — какая красота! А как украсят Думу на Невском — просто сказочная картина открывается.

— Каждый год Закс Санкт-Петербурга называет нового почетного гражданина СПб (в 2014-м Законодательное собрание не провело выборы из-за чехарды в законодательстве)... Но почему только одного? Не маловато ли на 5-миллионный город? Сколько, на ваш взгляд, нужно было бы называть?

— Думаю, довести эту цифру до трех ничего не стоило бы. Смущают меня и бесконечные распри при выборе почетного гражданина, словно на коммунальной кухне. А людей в нашем городе достойных много — вы правы! Многие при жизни не успевают получить явно заслу-

женное ими звание. Или потом быстро уходят из жизни, как дядя Женя Лебедев (Евгений Александрович Лебедев, народный артист СССР, гениальный советский актер товстоноговского БДТ. — Прим. авт.).

— Если бы вы 100 лет спустя после нашего разговора вернулись в Петербург, каким бы хотели его увидеть?

— Хотя бы таким же, как сейчас. Работая на радио, я читал множество различных исторических материалов. И узнал, что, к примеру, Невская перспектива (старое название Невского проспекта. — Прим. авт.) вначале распространялась до Фонтанки... А дальше шли леса. Мне было так странно и смешно. А сейчас я уже привык к тому, что Питер так разрастается со своими спальными районами — конца и края нет.

Скоро дойдет по моим родным Вартемяк (деревня в Ленинградской области, где Иван Иванович родился. — Прим. авт.), что на речке Охте, на Приозерском шоссе. Всего-то девятый километр. Но как сказал мне один командир во время войны (они стояли у нас в избе): «Вот, Ваня, посмотри на карту! Знаешь, что такое масштаб? Смотри, вот это Невский проспект, а это — твой дом. И всего-то сорок километров!» Недалек час, когда моя родная деревня будет поглощена этим мегаполисом.

— Был ли такой момент, такой период, когда Петербург на вас давил, сковывал, испытывал на прочность?

— Когда-то Исаакиевский собор подавлял меня. С неисчисляющим трепетом я проходил мимо... А теперь Исаакий уже одним своим существованием меня как-то возвышает, возмечивает в своих собственных глазах. И я горжусь тем, что у нас есть такое величественное здание.

Когда я был мальчишкой, еще курсантом, мы с ребятами забрались на самое высокое место Исаакия. И тут я понял, что боюсь высоты: с восторгом смотрел на весь город, на всю панораму, а вниз смотреть было страшно. До сих пор, когда на гастролях мне дают высокие этажи, девятый, десятый и выше, боюсь выходить на балкон. Меня почему-то тянет вниз, не дай бог!

— Какие две-три городские проблемы вам не дают спокойно жить и спать?

— У меня личная проблема — жилье. Так получилось, что свою квартиру я оставил Наталье Николаевне и ребятишкам, а у нее там друг. Препятствовать не могу и вынужден жить у тещи, и я чувствую, что родных там стесняясь. В небольшой квартире теща из-за меня вынуждена жить в смежной комнате.

Другая проблема — пробки. Выручает метро. И мне всегда странно, что зрители, узнавая меня, бывают так поражены

Иван Иванович восхищается родным городом всю жизнь.

тем, что я пользуюсь метро, что меня не возят на машине. А я говорю: «Успокойтесь! Артист — нормальный человек и, на мой взгляд, не должен себя выпячивать, сторониться своих зрителей. Автограф, общение, интервью — ради бога!»

— Какие особые места в Петербурге вы показываете своим гостям-друзьям?

— Невский проспект, Адмиралтейство. Конечно же Исаакий, у меня к нему особое отношение еще и потому, что я там жил, часто ходил через площадь Труда на Адмиралтейский канал, на Мойку, 112. Там жила моя Наталья Николаевна... Так что мест особенных много.

— Как сейчас говорят гастарбайтеры, «местов»!

— На этот счет вспоминается старый анекдот. Пожилая петербурженка входит в трамвай, в котором сидят молодые мужики, что не спешат уступить места. Она восклицает: «Да, перевелись интеллигент!» И слышит в ответ: «Интеллигентов-то как грязи — местов нету!»

— За кого из известных петербуржцев вам было или сейчас стыдно, не ловко?

— Еще недавно культурой города руководил московский варяг. Он менеджер и свои навыки распространял на искусство. Мол, сами театры должны себе зарабатывать, чтобы не висеть на шее государства. Красиво говорил, хотя порой допускал такие ляпы, что уши вяли: «Я люблю Исаакием на Невском», а Ахматову называл Аллой.

Такие малокультурные, но пробивные люди каким-то образом объединяются, находят друг друга, стремятся стать уверенными лицами на президентских выборах, везде суят свой нос, могут отнять у другого артиста и режиссера театр и быть действительно облаканными властью.

Хорошие люди тоже чувствуют друг друга, но они стесняются объединяться.

— Есть у вас или вашей семьи какие-то воспоминания, ассоциации с газетой «Вечерний Петербург» («Вечерний Ленинград»)?

— «Вечерка» и раньше, и теперь — газета очень пристойная. Там и кроссворды, которые я очень люблю, — отличная работа для ума.

— Как вы проводите свои петербургские вечера?

— Если не играю на сцене, то с удовольствием смотрю какие-то спектакли. А если нахожусь дома, непременно смотрю ТВ-программу «Время». Смотрю все игры «Зенита» и нашей сборной по футболу. Смотрю программу Владимира Познера, сколь бы поздно она ни шла. Иногда с интересом смотрю программы Вани Урганта.

Фото автора